

УДК 81-26

СЛОЖНЫЕ СЛОВА КАК СИГНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ XVII ВЕКА

© 2017 г.

А.В. Загуменнов

Вологодский государственный университет, Вологда

zaw1991@mail.ru

Поступила в редакцию 12.12.2016

Описаны связи между вербально-семантическим и тезаурусным уровнями в структуре языковой личности. Методом сплошной выборки из лингвистического материала были извлечены сложные слова, группировка которых проводилась нами по начальному элементу. Представленный анализ начинается с описания доминирующих лексем и завершается перечнем фактов, которые употреблены единично. По количественному критерию полученный материал был распределен на три группы: слова с максимальной, средней и малой частотностью. Основным результатом исследования является установление отношения языковой личности к определенным категориям культуры. Побочный итог проведенной работы заключается в описании 8 слов, не зафиксированных в уже вышедших выпусках «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Ключевые слова: языковая личность, XVII век, сложные слова, И.А. Хворостинин.

Введение

Материалом для предлагаемой работы является повесть И.А. Хворостинина «Словеса дней и царей и святителей Московских еже есть в России», датируемая первой половиной XVII века. Методом сплошной выборки из названного текста были извлечены сложные слова, группировка которых проводилась нами по начальному элементу. Представленный анализ начинается с описания доминирующих лексем и завершается перечнем фактов, которые употреблены единично. В ряде случаев обращение к контексту осуществляется только при описании неизвестных для уже вышедших выпусков «Словаря русского языка XI–XVII вв.» сложных слов, т. к. данное академическое издание непосредственно связано с материалом семнадцатого столетия и продолжает пополняться новыми примерами. Стилистика и орфография всех цитируемых источников сохранена.

Согласно определению Ю.Н. Караулова, языковая личность есть личность, «...реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [1, с. 38]. На её низшем (вербально-семантическом) уровне ключевыми единицами являются слова. Гипотетически системность индивидуального лексикона может быть выявлена как на основе единственного, но объемного текста (данное предположение выдвигается в (Г.Г. Инфантова, 2008), так и на базе корпуса сочинений (речевых актов или дискурса в понимании Ю.Н. Караулова), принадлежащих одному автору (опыты подобных исследований: В.И. Карасик, 2002; Е.В. Иванцова, 2010;

М.С. Силантьева, 2012 и др.). Признавая определенную искусственность некоторых сложных слов как кальки с греческого языка (Я.К. Грот, 1878; Л.П. Ефремов, 1974; Р.М. Цейтлин, 1977 и другие), мы (в аспекте лингвоперсонологии) рассматриваем их как *периферийное оформление понятийных полей*, где каждый корень является частью номинации определенного участка в авторской (и одновременно этнической) картине мира. Тем самым нами переводится акцент со структурно-системного подхода на функционально-имманентный, предлагавшийся в 1930-е В.В. Виноградовым в ряде работ (В.В. Виноградов, 1980). Это позволяет представить каждую группу, объединенную общим первым элементом, как означенную вершину «ценностно-смыслового пространства» (Н.Ф. Алефиренко, 2010) а языковую личность – как его носителя.

Слова с максимальной частотностью

Суммарно в данном тексте использовано 39 сложных слов, первый элемент которых «благ(о)». Это самая объемная группа, что в определенной степени позволяет характеризовать повесть И.А. Хворостинина как относящуюся к высокому книжному стилю. Для сравнения: в тексте Жития Кирилла Белозерского использовано 69 сложных слов с первым элементом «благо» [2, с. 181]. Рассматриваемое нами сочинение И.А. Хворостинина хотя и относится к высокой словесности, но является иным по жанру и сфере функционирования.

Здесь отмечается 11 употреблений с корнями благ+чест [3, с. 525; 529; 530; 534; 537; 530; 543; 541; 545; 546; 551]. Это доминантная подгруппа

выделенного гнезда. Также отмечается по 5 употреблений с корнями благ+слов [3, с. 529; 546; 548; 551; 551]. Данная подгруппа является второй по численности в рамках выделенного гнезда и самого текста повести И.А. Хворостинина.

Наконец, отмечаются по 2 употребления слов с корнями благ + (по)треб [3, с. 539; 552] и благ+(у)готов [3, с. 553; 541]. Среди примеров в последних случаях слово *благотворящаяся* [3, с. 541] отсутствует в «Словаре русского языка XI – XVII вв». Вероятно, оно образовано от «благ» + «готовление» ← «готовити» – «1. Подготавливать; снаряжать. 2. Устраивать, изготавливать. 3. Готовить (о еде). 4. Заготавливать, запасать» [4, с. 110]. Употреблено в контексте: «*къ хотѣнью своему ласканіемъ превозводя, обѣты имъ всячески творити благотворящаяся; яко же и сродницы его*» [3, с. 541]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«хорошо, полностью подготовиться к чему-л.», в связи с выделяемым в рамках «Словаря русского языка XI–XVII вв.» соответствием греческого εὖ подгруппе значений «2) полностью, вполне, весьма, очень, совершенно: благознаменитый, благодумный, благонадежный и т. п.» [5, с. 191–192]. Добавление семы «хорошо, добро» в приведенную интерпретацию детерминировано отсутствием других контекстов в данной повести И.А. Хворостинина.

Среди оставшихся примеров гнезда слов с элементом «благ(о)» выявляются либо падежные, как в случаях с благ+да(ти) [3, с. 529; 532; 554; 536], либо формы единственного и множественного числа одного сложного слова, как с благ+род [3, с. 532; 533; 546; 537], и благ+хвал [3, с. 531; 554; 542], либо единичные факты (8 употреблений). Среди них встречаются: *благосердія* [3, с. 538], *благодаренія* [3, с. 542], *благослаголати* [3, с. 530], *благоразсуднаго* [3, с. 531], *благоразумія* [3, с. 539], *благолѣбно* [3, с. 536], *благовѣстїи* [3, с. 540], *благодарно* [3, с. 555]. Специфика данных сложных слов заключена в четком разграничении (и оценке со знаком «+») имманентных сфер и качеств человека, которые выделяются языковой личностью как присущие любому Homo loquens: голос (*благослаголати* [3, с. 530]), разум (*благоразумія* [3, с. 539]), рассудок (*благоразсуднаго* [3, с. 531]), сердце (*благосердія* [3, с. 538]), душа (*благодарно* [3, с. 555]). Исследователями неоднократно подчеркивалась культурная значимость как самого понятия «благо», так и тех, что названы нами выше (Ю.С. Степанов, 1997; Т.И. Вендина, 2002;

В.В. Колесов, 2004; М.И. Чернышева, 2009 и другие).

Вторая по численности группа включает первый элемент «един(о)», и в ней содержится 17 слов. Такое распределение вполне характерно: Смутное время принесло раздробленность, отсутствие согласия (и согласованности действий). В этот период общность социальных групп могла менять ход истории. Поэтому здесь и отмечаются 7 употреблений сложных слов с корнями едино+мысл [3, с. 539; 547; 551; 551; 548; 552; 548]. Человек может быть инициатором какого-то плана, действия, но ему необходима поддержка сторонников или же наличие людей, могущих исполнить его волю (см. описание убийства царевича Димитрия).

В остальных случаях в данном гнезде отмечается либо различие по роду одного сложного слова (*единороднаго* [3, с. 529], *единородноу* [3, с. 549]), либо повторение его падежных форм (*единогласень* [3, с. 539; 550]), либо единичные употребления (*единомудрствующе* [3, с. 530], *единоначалии* [3, с. 541], *единоплеменныхъ* [3, с. 543], *единосверстникомъ* [3, с. 547] *единовинну* [3, с. 552], *единообѣщникъ* [3, с. 547]). Здесь есть лексемы, не зафиксированные в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»

Одно из таких слов – «*единосверстникомъ*» [3, с. 547]. Образовано от «едино + «сверстникъ» – «1. Равный по возрасту, сверстник, ровесник. 2. Равный, одинаковый по положению, силе, знаниям, взглядам и т. д.» [6, с. 114]. Употреблено в контексте: «*Инии отъ славныхъ нашихъ мнози приложишася къ нимъ и совѣсть творяше къ намъ, яко властодержца намъ нѣсть, и корень владыки великаго Владимира самодержца всеа Росїи, чрезъ его отрасли доброуцѣтуція нашія господія, отъяся отъ насъ, и поработихомся сами себе единосверстникомъ своимъ: Внимайте же себѣ опасно!» [3, с. 547]. Исходя из фрагмента, значение слова можно определить как *«тот, кто равен по положению или качествам кому-л., чему-л.». Данное толкование можно принять в расчет в связи с последующим предложением: «*...се Полскаго и Литовскаго короля сынъ есть, именуется Владиславъ и сей есть потребень къ нашему господоначалствію: юноша предобръ и рода самодержавныхъ владыкъ искони, и никто же возможетъ его укорити, истинный властелинъ и подобень нашимъ прежнимъ владыкамъ во всемъ...» [3, с. 547]. Иными словами, в самом тексте прослеживается ключ к интерпретации лексемы. С помощью сочинительной союзной связи создается единство предикатов, характе-**

ризующих внеязыковые сведения о личности Владислава.

Еще одно слово в данной группе – «единообѣщникъ» [3, с. 547]. Образовано от «обещникъ (общникъ, обьщникъ, обѣщникъ), м. 1. Тот, кто разделяет вместе что-л. с кем-л.; тот, кто причастен к чему-л., участник. 2. Тот, кто образует одно целое с кем-л. (об одной из ипостасей Троицы). 3. Общительный, обходительный, благожелательный человек» [7, с. 45]. Впрочем, не исключен вариант происхождения от омонима «обѣщникъ, м. То же, что обѣтникъ» [7, с. 45]. Последнее имеет значение «Тот, кто делает что-л. по обету» [7, с. 45]. Употреблено в контексте: «...«а отецъ его самодержецъ добръ о насъ совѣща, видѣвъ нашу бѣду и поколебание, вмѣсто мѣрила праведнаго сына своего нашей земли царя даетъ, и послужимъ ему суще, яко истинному своему владыцѣ но будемъ беспечалны ради свидѣнія: аще и не единообѣщникъ вѣрѣ нашей, но хочетъ насъ ради единомыслие пріяти и во единой благой совѣсти закона нашего быти съ нами» [3, с. 547]. Не исключается также авторское расширение синтаксически несвободного словосочетания (например, в Соборном уложении 1649 года – «лжи обещникъ есть»). Наиболее вероятное толкование – *«единый, совокупный с теми, кто разделяет вместе что-л. с кем-л.; единый с теми, кто причастен к чему-л.». Однако на периферии значений под эту дефиницию подходит и «тот, кто делает что-л. по обету» [7, с. 45]. Последнее возможно в силу единства всех участников события в социально значимом моменте (при восшествии царя на престол). Отметим, что к данному гнезду относится прилагательное с приставкой не – *неединовѣрнаго* [3, с. 550], которое не вступает в прямые антонимические отношения.

Третья по численности группа включает первый элемент «сам(о)-», и в ней содержится 13 слов. Как следует из примеров ниже, некоторые из них затрагивают сферу власти, расширительной проблемой престолонаследия и трагической кончиной царевича Димитрия.

Подавляющее число примеров (9) приходится на слова с корнями сам+держ [3, с. 529; 531; 531 539; 539; 542; 547; 547; 547], 2 раза использована одна и та же форма (*самоволнѣ* [3, с. 542; 555]), а также ряд единичных употреблений с модальным значением (*самовидцемъ* [3, с. 528], *самолюбныхъ* [3, с. 532]).

Последующие группы лексем включают менее 10 примеров каждая, в связи с чем нами условно было проведено деление на «слова со средней частотностью» и «слова с малой частотностью». В качестве разграничения для удобства была принята оппозиция «более 5 употреблений/менее 5 употреблений».

Слова со средней частотностью

Самая объемная группа выделенной категории включает 9 сложных слов с начальным элементом «прежд(е)-». Появление этого корпуса в повести, с одной стороны, детерминировано тем, что языковая личность (как свидетель и участник тех событий) ориентируется на уже прошедший период, а с другой – это необходимый стилистический ресурс. Так, отмечается 4 факта с корнями прежде+(на)реч [3, с. 534; 535; 543; 554]. Не вызывает сомнений активная роль данных примеров в процессах текстовой когезии («*прежденареченнаго Феодора*» [3, с. 534] – антропоним в словосочетании соотносится с тем участком повести, где он ранее вводился в описание). 4 раза использованы формы слов, включающие корни «прежде+бы(ти)» [3, с. 532; 533; 552; 534] и единичное употребление – *преждевоспомянутый* [3, с. 552]. И если группа с составляющими «прежде+(на)реч» позволяет связывать участки повествования в пределах данного текста, то ситуация с корпусом «прежде+бы(ти)» иная. Здесь нередко осуществлен выход за пределы знакового поля сочинения, своего рода апелляция к культурному фону: «...и никто же отъ *преждебывшихъ царей тако сотвори, яко же владыка нашъ надъ убогими милость яви*» [3, с. 532]. Предполагается, что читатель осведомлен в истории Московского государства, ведь это и служит основанием для сравнений одного правителя с другими.

Следующие три группы (с начальными элементами «бог(о)-», «власт(о)-» и «все») включают по 8 употреблений. Условно это ядро группы слов со средней частотностью, и так как количество в корпусах будет идентичным, мы расположили их в алфавитном порядке.

Таким образом первая группа содержит элемент «бого-». Из биографии И.А. Хворостина известно, что у него были весьма натянутые отношения с церковью, а сам он не раз обвинялся в ереси. Вероятно, здесь важную роль играет и сама публицистическая направленность сочинения, где даны не столько духовно-аскетические идеалы монашества, сколько светские ценностные координаты поведения.

В данной группе 4 сложных слова с корнями бого+люб – [3, с.532; 540; 542; 542], остальные

примеры единичны (*богоразуміа* [3, с. 529], *богολѣннаго* [3, с. 533]; *богоначалія* [3, с. 539], *богоспасаемыхъ* [3, с. 552]). Интерес вызывает положение этого корпуса в других произведениях, относящихся к той же языковой личности (И.А. Хворостинина).

Вторая группа содержит элемент «*власт(о)-*». Здесь употреблено 6 сложных слов с корнями *власт* + *держ* [3, с. 525; 533; 538; 535; 552; 551] и 2 случая с элементами *власт* + *люб* (*властолюбцы*, [3, с. 542], *властолюбець* [3, с. 542]). Появление данного корпуса лексем в повести может быть мотивировано описываемой ситуацией Смутного времени, когда решение вопроса о наследии престола было определяющим для суверенитета государства. Вместе с тем (и только в контексте нашего рассмотрения) есть основания для утверждения наличия корреляции между группами с элементами «*сам(о)-*» и «*власт(о)-*». Их связь выявляется не только модельно – *самодержца* [3, с. 539], *властодержца*, [3, с. 535], но и семантически в нейтрализованном виде – «*льстится царь и клятву возводитъ на главу свою, никто же отъ человекъ того отъ него требуя, но самоволнѣ клятвѣ издався. О, властолюбець сый, а не боголюбець!*» [3, с. 542]. Не исключено, что перед нами вообще стержневой компонент повести, реализующийся не только качественно, но и количественно.

Третья группа слов со средней частотностью содержит элемент «*все-*». В определенной степени здесь доминируют устойчивые обороты – эпитеты Творца. Например, отмечаются 3 случая использования сложного слова с корнями «*все+держ*» в разных падежных формах (*Вседержителя* [3, с. 525; 538; 538]) – в традиционной характеристике Бога, и 2 примера с «*все + вид*» (*всевидящее* [3, с. 529; 539]) – в соотношении с Оком Творца. Названные случаи являются не только разными способами отображения идеи божественного, но и семантической периферией группы слов с первым элементом «*бого-*».

Среди единичных употреблений: *всевславнаго* [3, с. 536], *всемірно* [3, с. 540], *всеградно* [3, с. 540]). Также здесь выделяется несколько лексем, не зафиксированных в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Среди них слово «*Всемірно*», образованное от «*все*» + *мірнѣй* ← *міръ* – «1. Мир, вселенная. 2. Земля. 3. Человечество, люди. 4. Среда мирян, людей, живущих в обществе, не принадлежащих к духовенству. 5. Община (крестьянская, посадская, городская, церковная)» [8, с. 165]. Употреблено в контексте: «*и вводится онъ, яко Анастасій, возненавидѣнный не единымъ*

градомъ, но всемірно и всеградно всѣми человекѣ, Игнатій, мерзость запустѣнія, на святомъ мѣстѣ святыхъ нашихъ отецъ посаждается и церковный чинъ отъемлетъ» [3, с. 539–540]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«*то, которое относится ко всем людям, обществу*». В приведенном отрывке обнаруживается ещё одно слово – *всеградно*, образованное от «*все*» + *граднѣй* ← *градъ*. Исходя из фрагмента, приведенного выше, общее значение можно определить как *«*то, которое относится ко всем городам, входящим в некое целое (княжество, государство и проч.)*»

Согласно принятому делению, нижняя граница средней периферии включает группы с диапазоном от 7 до 5 употреблений. Поэтому здесь нишу занял корпус лексем с элементом «*прав(о)-*». В нём отмечается 6 употреблений, из них 4 – это падежные формы одного сложного слова (*православію* [3, с. 537; 555; 550; 547]) и 2 единичных употребления – *праводѣлательное* [3, с. 530] и *правосудный* [3, с. 545].

Здесь обнаруживается слово, не зафиксированное в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» – *праводѣлательное* [3, с. 530]; вероятно, образовано от «*право*» + «*дѣлательный*» – «1. Прил. к *дѣлатель* (в знач. 1) (т. е. «Тот, кто работает, работник» [4, с. 204] – прим. З.А.). 2. Активный, деятельный» [4, с. 204]. Употреблено в контексте: «*...ваше бо слышети дѣло се и вашей души прекраснѣй достойно есть великодушныхъ мужъ и бескровныхъ мучениковъ и побѣдоносцовъ рѣчеточствомъ праводѣлательное»* [3, с. 530]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«*тот, который действует в соответствии с правилами, честно*», однако данная дефиниция сомнительна в силу многозначности входящих в лексему составляющих и может быть пересмотрена при обнаружении иных контекстов у других авторов эпохи.

Слова с малой частотностью

В соответствии с принятым разделением эта категория будет включать корпуса сложных слов с диапазоном от 5 до 2 употреблений (минимальное основание – пара однокоренных слов, относящихся к разным частям речи). Последующие семь групп содержат по 4 факта каждая. Условно это ядро дальней периферии, и так как количество в корпусах будет идентичным, мы также расположили их в алфавитном порядке.

Таким образом, первая группа содержит элемент «вел(е)-». Здесь отмечаются 2 факта – общие формы слова с корнями веле+глас (велегласный [3, с. 535; 540]), оставшиеся – единичные употребления (велелѣнїемъ [3, с. 532], велерѣнїемъ [3, с. 551]). Вероятно, из-за некоторой абстрактности в значениях эти примеры носят скорее традиционный характер высокой словесности, что подтверждает их совокупное количество.

Вторая группа содержит элемент «закон(о)-» и включает сложные слова с корнями «закон+(пре)ступ» [3, с. 533; 536; 537; 540]. Из ряда контекстов, например, «и тако законопреступникъ, иноческій обругатель» [3, с. 536] следует, что подразумевается не только светская, мирская сфера, но и религиозная.

Третья группа включает элемент «зл(о)-», и содержит следующие случаи: злодѣвѣ [3, с. 534], злословѣтникъ [3, с. 534], злочестивно [3, с. 537], злосердіемъ [3, с. 544]. Семантика первого корня и контексты, например, «на свое достояніе подвижесе и свои люди оскорби, злосердіемъ творя» [3, с. 544], позволяют нам отмечать стабильность негативно-оценочного поля этих слов.

Четвертая группа включает элемент «мног(о)-» и содержит следующие употребления: многообразное [3, с. 542]; многотысячное [3, с. 546], многоличнымъ [3, с. 551], многоглаволаваго [3, с. 554]. Также здесь выделяется лексема, не зафиксированная в «Словаре русского языка XI – XVII вв.», многотысячное [3, с. 546], вероятно, образовано от «много» + «тысячное» ← «тысяча». Употреблено в контексте: «любимымъ и славнымъ его, призываху же мя, обогащеніе многотысячное обѣщаваше ми нещюя ми не разумѣти креста Христова клятву» [3, с. 546]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то, которое состоит из нескольких тысяч чего-л. или кого-л.»

Пятая группа включает элемент «Присн(о)-» и содержит 2 падежные формы сложного слова с корнями «присно + дѣв» (Приснодѣвы [3, с. 528], Приснодѣву [3, с. 544]) и 2 единичных употребления (присновоспѣваемаго [3, с. 525], присноглаголемый [3, с. 544]). Здесь также выделяется целая группа лексем, не зафиксированных в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»

Присновоспѣваемаго [3, с. 525] – вероятно, от «воспѣвание, с. Пение», а также «церковное хвалебное песнопение» [9, с. 46]. Употреблено в контексте: «Иже вышняго непостижимаго Бо-

га, неизреченаго и присновоспѣваемаго Творца, во всякомъ славима родѣ» [3, с. 525]. Исходя из фрагмента, значение можно определить как *«тот, к которому всегда направлено пение, в том числе и хвалебное церковное пение».

Присноглаголемый [3, с. 544] – вероятно, от «глаголаніе» – «1. Действие по глаг. глаголати (в знач.1)», т.е. «говорить»; «2. Изречение, высказывание, слова» [4, с. 25]. Употреблено в контексте: «Сей убо присноглаголемый владыка и царь нашъ невѣрствїемъ отъ многого сѣтованія объять бысть и въ буйство преложися, и праведное существо измѣнивъ, ложная шептанія во уши своя отъ неискусныхъ прїемля» [3, с. 544]. Исходя из фрагмента, значение можно определить как *«тот, о котором постоянно говорят».

Шестая группа включает слова с корнями «род+начал» (родоначальника [3, с. 528], родоначальника [3, с. 525–526], родоначальника [3, с. 529], родоначаліе [3, с. 531]). В определенной степени это отголосок проблемы престолонаследия и происхождения царей.

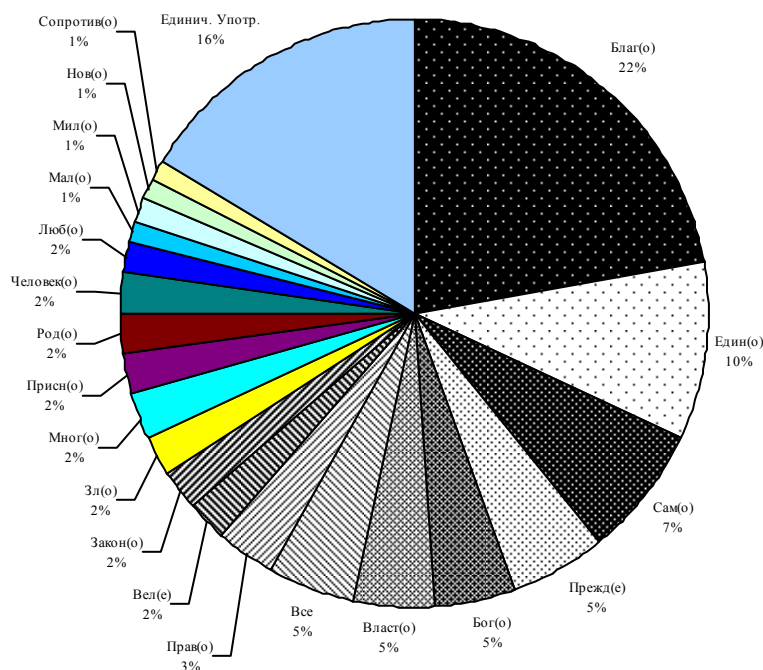
Седьмая группа включает сложные слова с корнями «человек+люб» (человѣколюбія [3, с. 531], человѣколюбный [3, с. 532], человѣколюбецъ [3, с. 543], человѣколюбїемъ [3, с. 544]). Для Смутного времени люди являются военным и политическим ресурсами.

Вышеназванные семь групп, как мы писали выше, можно обозначить как ядро дальней периферии. Последующие корпусы лексем максимально близки к нижнему порогу выделенной категории.

Так, группа с элементом «любо» содержит 3 употребления, из которых два – падежные формы слова с корнями люб+мудр (любомудрїя [3, с. 550], любомудрїю [3, с. 551]), и единичный случай – любочестїю [3, с. 538]. Остаётся пока открытым вопрос о естественности таких фактов в живой речи. По данным «Словаря русского языка в 4 томах» (МАС), первый элемент «люб» сохранился всего в 7 словах с корнями «любо+зна(ть)» и «любо + пыт(ать)». Вероятно, есть основания предположить, что для языковой личности первой половины XVII века слова данного корневого гнезда могли быть активно используемыми в текстах того времени, но в глобальном масштабе уже начинается тенденция к переводу их в пассивный запас или «консервация» их в рамках высокой книжности.

Последующие пять групп содержат по 2 употребления и являются пределом для объединения в группы. Сюда входят корпусы с элементами «мал-» (малодушествова [3, с. 545], малодушныхъ

**Распределение сложных слов в тексте «Словеса дней и царей и святителей
Московских еже есть в России»**

[3, с. 545]), «нов-» (*новопросвѣщенныя* [3, с. 540], *новоизбранный* [3, с. 542]), «мил-» (*умилосердися* [3, с. 527], *милосердіа* [3, с. 531]), «сопротив-» (*сопротивословесіе* и *сопротиворѣчіе* [3, с. 527]). В тексте наличествует также 28 лексем, которые не образовали ни одной группы в силу единичности употребления, например, *смиреномудрію* [3, с. 527], *Міротворецъ* [3, с. 527], *сынотвореніе* [3, с. 528], *чюдотворцы* [3, с. 530] и т.д. Их описание и анализ остается в перспективе дальнейших исследований.

Заключение

Общий итог количественного подсчета отображен в представленной диаграмме.

Статистически здесь находит подтверждение предложенное нами условное деление на корпусы доминантные (Благ(о), Един(о), Сам(о)), средней периферии (Прежд(е), Бог(о), Власт(о), Все) и дальней (все остальные группы). Диаграмма демонстрирует также, что в избранном тексте И.А. Хворостинина сложные слова распределены не по принципу оппозиций, а в качестве полей с пронизающим ядро и периферию

стержневым компонентом, как в случае с духовной сферой (Бог(о) – Прав(о) – Закон(о)), обществом (Един(о) – Все – Мног(о) – Мал(о) и др.). Обозначенные результаты позволяют рассматривать сложные слова как узловые точки организации и лексикона создателя текста и семантического поля выбранного памятника.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Судаков Г.В. История русского слова: Монография. Вологда: ВоГУ, 2015. 360 с.
3. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссіею. СПб., 1891. Т. 13. 982 стлб.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (г – дяфинь). М.: Наука, 1977. 407 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А – Б). М.: Наука, 1975. 371 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23 (сь – сдымка). М.: Наука, 1996. 255 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12 (О – опарный). М.: Наука, 1987. 384 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). М.: Наука, 1982. 360 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3 (володѣнье–вѣщьяшина). М.: Наука, 1976. 288 с.

COMPOUND WORDS AS A SIGNAL ELEMENT OF THE 17TH CENTURY LANGUAGE PERSONALITY*A.V. Zagumennov*

This paper's main objective is to give a systemic description of the relationship between the verbal and semantic level and the thesaurus level in the structure of linguistic personality. By using the methods of continuous sampling of linguistic material, compound words were extracted; subsequently, they were grouped according to the initial element. The presented analysis begins with a description of the dominant lexemes and ends with a list of the facts that were used once. According to the quantitative criterion, the material obtained was distributed into three groups: words with the maximum, medium and low frequency of occurrence. As a result of our research, the relation of the linguistic personality to certain categories of culture was identified. A spin-off of the work is the description of the eight words that have not been recorded in the already published editions of the «Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries».

Keywords: linguistic personality, 17th century, compound words, I.A. Khvorostinin.

References

1. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Izd-vo LKI, 2010. 264 s.
2. Sudakov G.V. Istoriya russkogo slova: Monografiya. Vologda: VoGU, 2015. 360 s.
3. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1891. T. 13. 982 stlb.
4. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (g – dyafin"). M.: Nauka, 1977. 407 s.
5. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 (A – B). M.: Nauka, 1975. 371 s.
6. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 23 (S" – sdymka). M.: Nauka, 1996. 255 s.
7. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 12 (O – oparnyj). M.: Nauka, 1987. 384 s.
8. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 9 (M). M.: Nauka, 1982. 360 s.
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 3 (volodžnie–vyashina). M.: Nauka, 1976. 288 s.